
Валерия Маркина

МЕХАНИЗМЫ ПРОИЗВОДСТВА ИНАКОВОСТИ В ДИСКУРСЕ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО КИНОТЕКСТА)

В статье на основе систематизации теоретических и эмпирических исследований рассматриваются приемы и этапы процесса производства инаковости (*othering*): противопоставление (использование бинарных категорий), дистанцирование (укрепление границ), иерархизация (выстраивание отношений подчинения) и элиминация Другого. Автор полагает, что процесс производства инаковости в дискурсе может выражаться как в стратегиях объективации Другого, так и в стремлениях подчеркнуть его радикальную непохожесть как ценность. Сопrotивление процессу отчуждения противоположно объективации Другого и выражается в различных способах деконструирования дискурса: преодолении бинарного мышления и патологизации, пересмотре властной иерархии, признании равноценности субъектов и важности диалога. Разработанная автором теоретико-методологическая схема применена в анализе репрезентаций инаковости в кинодискурсе на примере фильма И. Твердовского «Класс коррекции» (2014). Было выявлено наличие механизмов отчуждения: поляризации, стереотипизации, де-субъективации, маргинализации, пристыжения, феминизации, а также способов сопротивления: харизматизации, субъективации, деиерархизации, пародирования, конфронтации.

Ключевые слова: производство инаковости, репрезентации Другого, механизмы отчуждения, кинодискурс, социальное неравенство, инвалидность

Валерия Михайловна Маркина – аспирантка факультета социальных наук департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: leramarkina@yandex.ru

Категория инаковости (*otherness*) и напрямую связанная с ней категория Другого (*Other*) занимают центральное место в трудах различных социальных мыслителей. В классической философии Другой понимался в диалектическом единстве с Я (Гегель 1971), а инаковость мыслилась исключительно в рамках бинарных оппозиций, что отодвигало Другого на второй план, как только «отлично от». Роза Брайдотти критикует такие предпосылки понимания Другого: поскольку в истории философии различие основывалось на отношениях господства и исключения, быть «отличным от» означало быть «менее ценным, чем» (Брайдотти 2000: 220).

Говоря о Другом, о Другой или Других, я подразумеваю не конкретного человека или группу; в данном случае речь идет о его, ее или их образе, дискурсивном конструкте, который может жить собственной жизнью и влиять на жизни реальных людей. Склонность рассматривать инаковых как менее достойных и поэтому неравных проблематизируется в исследованиях расизма, инвалидности, гендера, этничности и др. Жан Бодрийяр указывает, что важнейшей проблемой и причиной возникновения ненависти в культуре является именно стремление власти подчинить Другого «цивилизованным» путем, уничтожить инаковость, стандартизируя общество посредством дискурсивного воздействия. Бодрийяр здесь обращается к марксову понятию отчуждения (*Entfremdung*): «Нас уже не лишают нас самих в пользу Другого, нас лишают Другого в пользу Того же самого (инаковости в пользу тождественности)» (Бодрийяр 1997: 113). Производство инаковости сквозь призму процесса отчуждения рассматривается в работах многих других теоретиков, написанных в перспективах критики ориентализма (Саид 2006), постколониализма (Spivak 1988, 1999), патриархатного письма (Butler 1990; Cixous 1986). Отталкиваясь от марксова определения, они развивают трактовку отчуждения с фокусом на анализе дискурсивных практик конструирования Другого (*Othering*) и механизмов его подчинения.

Проблема дифференциации, отделения, изоляции групп непохожих актуальна и для российского социума. В частности, она наглядно представлена в сфере современного школьного образования. В нашей стране, несмотря на провозглашенные принципы инклюзии, до сих пор сильна традиция создания специальных классов и школ, которые фактически обладают более низким статусом. Они могут иметь название обычных букв алфавита, но обязательно не первых, например «Д», «Е», «Ж», или же именоваться сокращенно, указывая на специфичность: ККО – классы компенсирующего обучения. В такие классы детей помещают согласно определенным критериям: из-за «неправильного» поведения или просто за то, что они «не такие, как все». Там дети с инвалидностью, сложными болезнями, хулиганы, неуютные учителям, директору или просто дети с низкой успеваемостью – все учатся по усредненной специальной образовательной программе, зачастую более простой, чем программа прочих классов, и снижающей дальнейшие шансы детей на раскрытие

своих способностей и самореализацию. Фильтрация и сегрегация усиливают неравенство и исключенность незащищенных групп, отчуждая Других как в непосредственном взаимодействии, так и в дискурсах. Дискурсивное отражение этого процесса можно увидеть, анализируя продукты современной медиасферы.

Целью статьи является изучение процесса производства инаковости в дискурсе на основе выделения механизмов отчуждения Другого и способов сопротивления отчуждающим репрезентациям. Для ее достижения вначале рассматриваются теоретические подходы к пониманию проблемы конструирования инаковости, а затем проводится анализ одной из ярких манифестаций данного процесса в кинодискурсе на материале фильма «Класс коррекции». Художественное произведение анализируется не только потому, что в нем поднимаются проблемы гендерного неравенства, инвалидности и неблагополучия, но и потому, что сюжет выстраивается на основе актуальной ситуации, сложившейся и в политике, и в сфере школьного образования. Школа предстает в виде метафоры нашего общества, в котором сталкиваются властные и бессильные, угнетатели и угнетенные.

Проблема производства инаковости: рефлексия подходов

Производство инаковости в самом общем смысле представляет собой обозначение присутствия иного, конструирование или деконструирование его образа. Инаковость производится, «являя лицо Другого» (Левинас 2000: 69), и этот процесс может происходить как в непосредственном социальном взаимодействии, так и дискурсивно, включая в себя стратегии репрезентации образа Другого. В зависимости от того, кто говорит о Другом, производство инаковости может позволить отказаться от тождественности и тотальности в пользу уникальности и разнообразия или же, наоборот, привести к отчуждению всего инакового в пользу универсального порядка, мнимого культурного единства. Соответственно и стратегии репрезентации Другого также принципиально различаются: от стремления высвободить Других, подчеркнув их уникальность, до обесценивания, противопоставления с целью их подчинить и элиминировать, т.е. лишить голоса, сделать невидимыми. Таким образом, производство инаковости рассматривается в данной статье и как отчуждение Другого, и как сопротивление этому процессу.

Производство инаковости как отчуждение я рассматриваю вслед за Гатри Спивак в связи с процессами лишения голоса и своеобразия, исключения отдельных индивидов и групп посредством конструирования их образов в схемах бинарных оппозиций, оправдывающих отношения господства-подчинения (Spivak 1999; Said 1989). Будучи объектом репрезентации властного субъекта, образ Другого зависит не от его реальных свойств,

а от позиции говорящего, как указывает Саид: репрезентации Востока больше зависят от Запада, чем от Востока. Другой выступает только в качестве толчка – первопричины акта говорения, затем вытесняется как ненужная, «*излишняя часть*» (Саид 2006: 37). Важен в таком случае не сам Другой, а процесс его репрезентации, конструирования, подчинения. Ориенталистский дискурс фактически создает Другого путем его объективации, экзотизации, генерализации, поляризации и пр., что вместе представляет собой «*чудовищный механизм всеобъемлющих дефиниций*» (Саид 2006: 246).

Опираясь на рассуждения Саида, можно рассмотреть процесс угнетения Другого поэтапно. Вначале происходит дуальное разделение на категории, которые противопоставляются друг другу, превращаясь в устойчивую оппозицию. Затем устанавливаются отношения господства-подчинения, приводящие к репрезентации превосходства одних групп над другими, и, наконец, совершается дискурсивное угнетение, а нередко и символическая элиминация подчиненных (Саид 2006). Данные этапы процесса отчуждения – противопоставление, дистанцирование, выстраивание иерархии и подчинение – имеют следующие отличия. Противопоставление может быть безоценочным в случае максимально общих категорий, например школьник/школьница. Придание этой оппозиции характеристик (например, описания внешности, возраста, строения фигуры, способностей, достатка семьи) увеличивает дистанцию между категориями. В свою очередь, иерархизация осуществляется в контексте культурных ожиданий, добавляя к смысловой связке между категориями оттенок «лучше/хуже», «сильнее/слабее», «достоинее/недостойнее». Так, вторая часть оппозиции становится Другой. Лишая Другую равноценности, отношения господства-подчинения запускают процесс объективации, отнимая у Другой право голоса и тем самым элиминируя ее. Как показывает Мишель Фуко, власть осуществляет свой контроль через механизмы номинации, каталогизации и нормализации (Фуко 1996). Властный механизм «определение – разделение – противопоставление – подчинение» работает не только в медийном и научном дискурсах – проявляется он и в повседневности взаимодействий медиков и родителей детей-инвалидов (Iarskaia-Smirnova 1999).

Спивак в работе «Могут ли угнетенные говорить?» поднимает проблему объективации Других, показывая, что дискурс, отрицающий любую инаковость, лишает Других не только возможности, но даже способности к артикуляции своих интересов, выражению своеобразия и формированию позитивной идентичности (Spivak 1988).

Конструирование инаковости можно представить как процесс создания особого языка, способного возвратить Другому его своеобразия. С помощью приемов деконструкции (Деррида 2000) в производстве таких критических дискурсов, как феминизм, постмодернизм, квир- и крип-теории,

постколониализм, «радикально Другие» оказываются заметными, открывая новые формы выражения своего Я, собственной инаковости, понимаемой как особость, уникальность и ценность.

Понимание производства инаковости как высвобождения Другого основывается на субъективном «несогласии на универсальное» (Седжвик 2002). В рамках этого направления мысли критикуется сведение иного к единому, так как «дуалистический способ мышления задает бинарные различия лишь для того, чтобы упорядочить их в соответствии с иерархической шкалой властных отношений» (Брайдотти 2000: 228). Практика разоблачения предрассудков по отношению к иному, действующих в рамках традиционного бинарного мышления, основана на вскрытии внутритекстовых оппозиций: рациональное/иррациональное, внутреннее/внешнее, мужское/женское, сознательное/бессознательное – и разработки неиерархичного письма (Деррида 2000). Важно признать, что существуют Я и Другие (их много и они равноценны): «Не должно быть общей логики различения, организованной в форме оппозиций господства-подчинения. Различение должно открывать нам веер новых отличий» (Сихоус 1986: 208). Бинарность не востребована там, где признается полисемия дискурса, его политекстуальность (Усманова 2001).

Итак, производство инаковости нельзя сводить только к процессам отчуждения или рассматривать не иначе как процесс реконструкции иного. Зачастую для воспроизводства властной иерархии в дискурсивном поле происходит отчуждение любой инаковости, укрепляющее социальное неравенство. Какие дискурсивные стратегии производства инаковости способны этому противостоять?

Конструирование Другого: стратегии и приемы репрезентации

В социальной науке описаны разные модели отношения к Другому, например: создание пространства диалога, переход на позицию Другого, присвоение, отторжение и дистанцирование (Шапинская 2009). Механизмы отчуждения изучаются отдельно, причем встречается множество вариантов их классификаций. В частности, зарубежные исследователи проблемы производства инаковости в дискурсе сгруппировали их в четыре стратегии: объективация (*objectification*) – процесс превращения Другого в объект; деконтекстуализация (*decontextualization*) – вытеснение Другого за скобки повествования в разных сферах; деисторизация (*dehistorization*) – лишение бэкграунда и связи с прошлым; а также анонимизация (*deauthorization*) – безличный способ изображения Другого (Krumer-Nevo, Sidi 2012: 300). Иная трактовка, полученная на основе изучения текстов религиозного дискурса, фокусируется на четырех механизмах превращения Другого в чужого, составляющих стратегию алиенации: порицании,

критицизме, осуждении и предостережении (Крылова 2009: 305). И. Дорогавцева подробно описывает приемы репрезентации Другого, которые считает универсальными независимо от жанровой специфики текста: апелляция к коллективной символике, влияющая на возникновение и укрепление культурных стереотипов, нередко отрицательных; инструментальное использование Другого через конструирование его суррогата с налетом таинственности (экзотизация и мистификация); создание противоречивого образа Другого, вызывающего амбивалентные чувства (Дорогавцева 2008). К примеру, люди с синдромом Дауна показаны в российской прессе одновременно как жалкие, беспомощные и как одаренные богом, способные своим добродушием смягчать остальных. Так дети и взрослые с Даун-синдромом превращаются в Других – они символически отдаляются от читателей, хотя их образ и нельзя назвать абсолютно негативным (Маркина 2013: 200).

Репрезентация Других в массовой культуре выступает предметом целого ряда эмпирических исследований. Нередко анализ фокусируется на тех или иных механизмах, с помощью которых отдельные социальные группы подвергаются стигматизации, стереотипному изображению, исключению или, напротив, возвышаются в своей уникальности. В качестве таких групп могут выступать совершенно разные категории населения – как социально уязвимые, например инвалиды (Jackson, Hodges 2015; Rubin 2012), мигранты (Yang 2010), бедные, расовые и сексуальные меньшинства, матери-одиночки, так и любые другие, к примеру спортсмены (Ungruhe 2013), миллионеры или группы, оказавшиеся в центре внимания, публичного скандала. В данной статье в фокусе внимания – образы Других из фильма «Класс коррекции».

Механизмы отчуждения Другого в кинотексте

В центре киноповествования – симпатичная девочка Лена, новенькая в классе коррекции. С первых кадров фильма, когда мать везет главную героиню в школу в инвалидной коляске, появляются признаки противопоставления: средство передвижения Лены, шлагбаум на железнодорожных путях, преграждающий путь, которые намекают зрителю на границу между мирами – за этой чертой героиня ожидает неизвестное, возможно опасность и поражение. На подступах к школе героиня встречается с препятствиями и особым отношением: пандуса нет, на праздничной сентябрьской линейке класс коррекции по традиции не присутствует. Они тут – неудобные Другие. Так зритель замечает нарастающую дистанцию между обычными школьниками и учениками ККО.

По ходу развития сюжета мы видим, как растет и дистанция между ребятами и новенькой. Сначала Лена старается влиться в коллектив, играть по их правилам, даже вместе с одноклассниками проходит опасную инициа-

цию – соглашается лечь на пути под мчащийся поезд. Но как бы она ни пыталась, остается для остальных Другой. Впрочем, все они Другие – как для учителей и директора, так и для уборщицы, и дистанция между ними и всем окружающим миром необычайно велика. Отношения между классом коррекции и остальной школой строятся по принципу господства-подчинения, причем эта иерархия воспроизводится и в коллективе детей: власть аккумулируется у более сильного и агрессивного лидера.

Героиня пытается идти наперекор обстоятельствам, сопротивляясь нравам группы, учителям и всей системе в целом, но в итоге оказывается в самом низу социальной иерархии, что символически передано в сцене изнасилования. Окончательная победа системы и покорение Другого происходит, когда инцидент никак не порицается, обидчики не только не наказаны – они не приносят извинений, и более того, их переводят в общеобразовательный класс как успешно прошедших комиссию. А от Лены отворачивается самый близкий друг Антон, отделенный теперь прочной стеной «нормальности», и за девочкой закрепляется ярлык Другой, неуместной и неправильной. Фактически перед нами метафора нормализации, о которой писал М. Фуко (Фуко 1999): инвалидность героини рассматривается как патология, препятствующая нормальному функционированию системы. Комиссия из медиков и учителей «заботливо» голосует против учебы Лены в общеобразовательном классе по причине ее заболевания (миопатии) – проверку на «нормальность» девочка не проходит.

Для более подробного анализа способов, с помощью которых в кино происходит отчуждение, обратимся к ранее выделенным этапам этого процесса: противопоставлению, дистанцированию, выстраиванию иерархии, подчинению, на каждом из которых задействуются различные механизмы, призванные усилить угнетенное положение Другого. Я полагаю, что решающим является этап установления властных отношений – иерархизация, после чего механизмы отчуждения принимают наиболее жесткую и интенсивную по своему воздействию форму. В фильме используется широкий спектр приемов. Рассмотрим их по порядку, начиная с этапа противопоставления.

Увеличение социальной дистанции с репрезентируемой группой Других и отчуждения в тексте, как правило, сопровождается нарочитым подчеркиванием различий между изображаемым и говорящим, созданием *«уничжижительного иного»* (Брайдотти 2000: 222). В кино это выражается в разграничении и противопоставлении групп: учителей и учеников, общеобразовательного класса и класса коррекции: *«вы инвалиды, колясочники, а нам надо комиссию пройти»*. Поведение обозначенных групп воспринимается в дискурсе исходя из оценочных суждений, построенных в формате бинарных оппозиций, где негативный полюс чаще всего приписывается Другим. В кино за такими бинарными категориями, как господство/подчинение, система/индивид, богатые/бедные, маскулинное/феминное, общеобразовательный/специальный, успешность/

бесперспективность, чистота/грязь, здоровье/болезнь, скрывается механизм поляризации.

В том случае, когда гетерогенные социальные группы отделяются по ряду признаков в отдельную категорию и воспринимаются в качестве однородных Других, чей главный атрибут – их непохожесть, происходит обобщение и стереотипизация. В кино это выражается в навешивании ярлыков: ККО, инвалид, колясочники, а также в приписывании им со стороны директора, учителей и других учащихся характеристик умственно отсталых, неполноценных и проблемных.

Дальнейшие этапы подавления и подчинения Другого в кинотексте осуществляются с помощью ряда механизмов, прежде всего выстраивания жесткого порядка, основанного на разделении господствующих и подчиненных. В такой иерархии Другие находятся на самом низшем уровне, в положении угнетенных. Ученики тоже ранжированы по степени выраженности инаковости, по умениям свободно передвигаться и проявлять лояльности к системе, в т.ч. к директору, учителям, родителям и прочим. В фильме нет места диалогу, зрители наблюдают монолог системы, навязывающей исполнение правил (занимающий более высокое место в иерархии приказывает низшим по статусу) и сопровождающийся постоянным применением насилия.

Усиление подчиненного положения Другого происходит с помощью механизма маргинализации и параллельных патологизации и изоляции, когда изображенная система показывается как нормативная, а любой инаковости приписывается характер отклонения, подлежащего коррекции. Изоляция инаковых происходит в кино посредством отгораживающих визуальных и словесных образов: железная решетчатая дверь-клетка-тюрьма, *«наш коридор»* и *«ваш коридор коррекции»*, *«туалет коррекции»*, негодный пандус; *«дадут даже не аттестат, а справочку-бумажу-лечку»*, *«будешь собирать коробочки»*.

Не менее сильный механизм пристыжения используется в качестве подавления активности и протестного потенциала. Пристыжение как унижение в кинодискурсе проявляется в объектах, позах и словесных формах, которые передают презрение, отвращение со стороны окружающих к классу коррекции и главным изгоям – девочке и ее матери. Власть системы вроде бы не тотальна. Вот и склоненное лицо героини на уроке сексуального воспитания отнюдь не поза смирения и стыда – девушка и ее возлюбленный, да и другие ученики иронически переглядываются, когда учительница с трудом пытается найти нужные методы воздействия. Непригодный пандус выступает насмешкой системы над инвалидностью, но мама Лены упорно преодолевает это препятствие. Сцена надругательства завершается кадром с крупным планом Лены, ползущей по земле, ее одежда порвана, лицо в грязи. В финальной сцене фильма мать девочки в порыве бессильного гнева опускается на колени рядом

с уборщицей и начинает оттирать школьный коридор, крича: «*Мы же ходили тут с Леночкой и всем вам полы перепачкали, у вас же до нас такая чистота была идеальная, да?!*» Все эти визуальные приемы, грубоватые реплики уборщицы, адресованные Лене и ее матери («*Куда ты прёшь?*»), их самообвинения в попытке найти объяснение несправедливости и несчастью («*Если бы я была здоровая, папа остался бы?*») работают на обвинение и виктимизацию Других.

Еще один механизм заключительного этапа процесса отчуждения – десубъективация, с помощью которой изображенный лишается субъектности и голоса, способности выразить собственные переживания. Мать, которой практически ничего не дают сказать на комиссии и в кабинете директора, лишена права говорить, да и главную героиню просят уйти при принятии решения на комиссии, выгоняют с урока математики, когда она пытается спорить. Ее личность и эмоциональный опыт игнорируется, Лена становится объектом, лишенным права на чувства.

Сексуализация и эротизация Другого как яркий механизм подчинения выражается в кино в том, что девушка-инвалид превращается в экзотический сексуальный объект, служащий только для самовыражения маскулинности. Заниматься сексом с девушкой-инвалидом, по словам нескольких персонажей второго плана – девочек и мальчиков, – это «экзотика», «извращенство». Происходит феминизация инаковости, через приписывание героине традиционных феминных черт (беспомощная, беззащитная и даже неотомщенная жертва), которые подавляются, подвергаются насилию в метафорическом и прямом значении. Сцена насилия показывает неполноценное юношество, пытающееся отстоять свою позицию перед угрозой демаскулинизации со стороны системы («*Кастрировать их надо*», – говорят учителя в фильме). Но система образно насилует их всех: и саму героиню, и ее друга, не сумевшего отстоять свою мужественность и предавшего Лену, и остальных подростков из класса коррекции.

Способы сопротивления процессам отчуждения

Сопротивление процессу отчуждения в кино выражается в последовательной деконструкции дискурса, а точнее, в его субверсии (Butler 1990). Борьба, направленная на избавление от подчиненного статуса Другого, осуществляется доступными для угнетенных способами. Противостояние системе прослеживается через пародию, высмеивание сложившегося порядка. Изображение эмоциональных переживаний героев возвращает их субъектность. Остановимся подробнее на этих способах сопротивления.

Деиерархизация как процесс изобличения существующего порядка, в котором Другие занимают угнетенную позицию, осуществляется в фильме через высмеивание, юмор, пародирование и даже физическое воздействие на угнетателей, их предрассудков и установленного нормативного порядка.

Эти приемы можно увидеть в нескольких сценах: 1) конфликт на уроке математики из-за недовольства Лены заниженным уровнем образовательной программы, снижающим шансы аттестации; 2) в коридоре, где героиня спорит с обвинениями в грязных следах, якобы оставленных ее коляской, высмеивая абсурдность требований уборщицы и директора *«иметь сменную коляску»*; 3) во время ссоры с директором, отчитывающим класс за опасные игры у железной дороги.

В целом дискурсивный протест может выражаться в репрезентациях групп в образе активных, способных к сопротивлению, объединению, отпору. Однако в фильме героини вместо конвенционального протеста используют неконвенциональные тактики сопротивления, доступные незащищенным группам: молчание, неповиновение, смех, конфронтацию, — чаще, чем открытую борьбу. Большинство попыток протестов в сценах моментально дискурсивно подавляются: *«Вон из класса!»*, *«Как по кустам шарахаться, так ты можешь ходить, а как встать перед директором — нет. Встать!»*, *«Не надо помогать, сядь на место!»* Своими попытками протестовать мать и дочь ничего не смогли добиться. И все же в конце фильма мы видим не только фрустрацию, отчаяние, апатию героев, но и несломленность системой (героиня идет по коридору самостоятельно и говорит матери: *«Вставай!»*).

Субъективация как способ обретения Другим голоса для выражения собственных чувств, желаний и позиции, ведет к признанию субъективного опыта Других, установлению личных отношений и развитию эмпатии по отношению к ним (Krumer-Nevo, Sidi 2012: 304). В фильме субъективные переживания девушки с инвалидностью показаны в романтической линии сюжета. Героиня не бестелесный ангел, она обычная девочка, стремящаяся к душевной и телесной близости со сверстником. Даже будучи новенькой в школе, героиня постоянно стремится высказать свою позицию, донести свое мнение до окружающих: учителей, одноклассников, директора, несмотря на то что это зачастую встречает непонимание, сопротивление и агрессию.

Харизматизация — положительное окрашивание непохожести Других, когда инаковость преподносится как особая, иногда сверхъестественная ценность — «дар», «способность» (Ungruhe 2013). Режиссер переключает коды — не слабая и беспомощная, а жертвенная, ангелоподобная. Чудесное «выздоровление» Лены, когда она встает с инвалидного кресла и идет самостоятельно, подчеркивает уникальность и харизматичность Другого.

Заключение

В структурной канве фильма важную роль играют оппозиции обидчик/жертва, угнетатели/угнетенные. Система противопоставляется жизненному

миру персонажей, учителя изображены в основном как равнодушные к проблемам учеников формалисты, винтики системы. Комиссия беспристрастно и псевдodemократично решает судьбы детей: *«тут все понятно», «давайте уже голосовать»*.

Автор изобличает процессы угнетения Других, показывая, как различные силы производят инаковость девочки с инвалидностью, подавляя и отчуждая ее. Другие репрезентируются как разобщенные индивиды, одновременно гомогенные в своем низком статусе, не способные к сплочению и борьбе маргиналы, стремящиеся включиться в работу системы-автомата и не быть раздавленными несущимся составом. Подчеркивание инаковости выступает механизмом исключения, отсеивания наименее адаптивных и способом контроля, демонстрируя власть нормализующего дискурса. Однако сквозь безличность системы прорываются личные переживания героев. Главным механизмом переворачивания дискурса господства-угнетения является репрезентация системы, несмотря на ее грозный вид, как нефункциональной, в которой законы не могут быть приведены в исполнение полицией.

Запрет реального насилия, направленного на конкретный класс или группу в современном мире, порождает возникновение виртуального, ирреального насилия (Бодрийяр, 1991). Другой конструируется и насилуется на экране, чтобы показать сам процесс его сопротивления отчуждению. Как указывает Левинас, *«индикатором присутствия иного является именно его личное противостояние процессам подведения его под общий знаменатель и включения в однородный порядок»* (цит. по: Евструпов 2012: 38). Таким образом, сопротивление механизмам отчуждения – это тоже процесс производства инаковости, но только с обратным знаком. Причем инаковость производится не только режиссером посредством фильма, но и зрителями, которые могут бороться с дискурсом отчуждения Другого, а могут усиливать его.

Зрители с инвалидностью по-разному отнеслись к данной кинокартине (Блогосфера... 2014). «Класс коррекции» критикуют за объективацию главной героини, неоправданную жестокость и изображение насилия (из отзывов людей с инвалидностью, полученных автором в личной беседе). В этих отзывах можно увидеть сопротивление навязываемым фильмом образам жалости, пассивности, маргинальности инвалида. Возможно, за изображениями отверженности и униженности героини с инвалидностью зритель сможет разглядеть ее харизму, бросающую вызов процессу отчуждения в пользу ценности инаковости и уникальности.

Сцены, в которых Лена вдруг встает и идет самостоятельно, выражают желание автора фильма дать юным зрителям *«ощущение сказки»* (Иван И. Твердовский... 2014), тем самым инвалидность становится еще одной метафорой инаковости. Болезнь, из-за которой героиня вынуждена использовать для передвижения инвалидную коляску, – это не просто

одна из особенностей девочки. Инвалидность здесь, как и во многих других фильмах (см., напр., Ярская-Смирнова, Романов 2011), – это символ социальных и психологических барьеров, которые человек может преодолеть. С одной стороны, представление об инвалидности как социальном конструкте позволяет разрушить жесткие рамки стереотипов, основанных на медицинских диагнозах и административных регламентах. С другой стороны, показывая такие «чудеса», режиссер как бы говорит: «*Ребята, эта девочка – нормальная и здоровая, просто ей надо было преодолеть барьеры в себе самой и не пытаться встроиться в систему*». И все же, на мой взгляд, в кино важно показывать, что право быть самим собой должно быть у человека вне зависимости от способа передвижения, коммуникации или способностей.

Выражения признательности

Выражаю искреннюю благодарность анонимным рецензентам и редакторам журнала за ценные замечания и рекомендации, которые помогли существенно улучшить мою работу.

В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14–18–03784.

Список источников

Блогосфера / *Класс коррекции 2014* // <http://www.kinopoisk.ru/film/705350/posts/> (дата обращения: 22.02.2015).

Брайдотти Р. Различие полов как политический проект номадизма // Е. Здравомыслова, А. Темкина (ред.) *Хрестоматия феминистских текстов*. Переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000: 220–250.

Бодрийяр Ж. Город и ненависть // *Логос*. 1997. (9): 107–117.

Гегель Г. В. Ф. *Работы разных лет*. В 2 тт. Т. 2. / Сост., общая ред. А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1971.

Деррида Ж. *О грамматологии* / Пер. с франц., вступит. ст. и комм. Н. С. Автономовой. Москва: Ad Marginem, 2000.

Дорогавцева И. С. Универсальные закономерности репрезентации Другого в литературных и нелитературных текстах // *Гуманитарный вектор*. 2008. (3): 31–36.

Евстропов М. Н. *Опыты приближения к иному: Батай, Левинас, Бланшо*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.

Иван И. Твердовский. «Класс коррекции» – это витамин. 25.05.2014 // <http://goo.gl/SgzvmJ> (дата обращения: 22.02.2015).

Крылова М. В. Стратегии алиенации в англоязычном дискурсе протестантизма // *Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах*. 2009. (7): 304–311.

Левинас Э. Тотальность и Бесконечное // Левинас Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. СПб.: Университетская книга, 2000: 66–291.

Маркина В. Политика репрезентации людей с синдромом Дауна в современной публичной сфере // Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов (ред.) *Публичная сфера: теория, методология, кейс стади*. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013: 187–206.

Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский мир, 2006.

Седжвик И. К. *Эпистемология чулана*. М.: Идея-Пресс, 2002.

Усманова А. Гендер и культура в парадигме культурных исследований // *Введение в гендерные исследования*. Ч. 1. СПб.: Алетейя, 2001: 427–464.

Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет* // Пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.

Фуко М. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999.

Шапинская Е. Н. Образ другого в текстах культуры: политика репрезентации (начало) // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. (3): 51–56.

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2011. (76): 65–80.

Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge, 1990.

Cixous H. *Sorties: Out and Out: attacks| ways|out|forays* // Cixous H., Clement C. (eds.) *The Newly Born Woman*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986: 200–211.

Iarskaia-Smirnova E. "What the future will bring I do not know..." Mothering Children with Disabilities in Russia and the Politics of Exclusion // *Frontiers. Journal for Women Studies*. 1999. (2): 58–86.

Jackson D., Hodges C. E. M., Molesworth M., Scullion R. (eds.) *Reframing Disability?: Media, (Dis)Empowerment, and Voice in the 2012 Paralympics*. London: Routledge, 2014.

Krumer-Nevo M., Sidi M. Writing Against Othering // *Qualitative Inquiry*. 2012. 18(4): 299–309.

Rubin L. C. *Mental Illness in Popular Media: Essays on the Representation of Disorders*. London: McFarland, 2012.

Said E. Representing the Colonized: Anthropology's Interlocutors // *Critical Inquiry*. 1989. (15): 205–225.

Spivak G. Can the subaltern speak? // Nelson C., Grossberg L. (eds.) *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana: University of Illinois Press, 1988: 271–313.

Spivak G. *From A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

Ungruhe Ch. "Natural Born Sportsmen". Processes of Othering and Self-Charismatization of African Professional Footballers in Germany // *African Diaspora. Transnational Journal of Culture, Economy & Society*. 2013. 6(2): 196–217.

Yang Ch.-L. *Othering processes in feminist teaching – A case study of an adult educational institution*. Lund: Media-Tryck, Lund University, 2010.

Valeriya Markina

THE PROCESS OF OTHERING IN DISCOURSE: A CASE OF SUBORDINATION OF OR DISENGAGEMENT FROM THE OTHER?

The present article analyses the process behind the production of otherness (othering) in the discourse of modern Russian cinema. The article begins by highlighting the main ways of understanding othering, which is based principally on the systematization of theoretical and empirical studies. This includes describing strategies and techniques for representing the Other, preparation of a list of steps and signs indicating how othering is processed in discourse. This reveals the following aspects: 1) opposition (using binary categories), 2) distancing (strengthening borders), 3) building a hierarchy (hierarhization) and 4) the submission and destruction of the Other. Next, the developed theoretical and methodological scheme was applied to provide an analysis of how otherness is represented in Russian cinema, particularly through a case study of the movie "Class correction" in 2014, which was directed by I.Tverdovskyy. In summary, the following othering mechanisms were identified: stereotyping, objectification, marginalization, shaming, feminization, exotization, and coping strategies as: charismatization, subjectification, dehierarhization an the use of humor, parody and protest.

Key words: process of othering, representations of Other, othering mechanisms, cinema discourse, social inequality, disability

References

- Baudrillard J. (1997) Gorod i nenavist' [City and Hatred]. *Logos* [Logos], (9): 107–117.
- Blogosfera* (2014) Klass korrekcii [Class Correction]. Available at: <http://www.kinopoisk.ru/film/705350/posts/> (accessed 22 February 2015).
- Braidotti R. (2000) Razlichie polov kak politicheskiy proekt nomadizma [Gender Difference as a Political Project of Nomadism]. E. Zdravomyslova, A. Temkina (red.) *Khrestomatiya feministских текстов. Perevody* [Feminist Texts Reader. Translations], Sant-Peterburg: Dmitry Bulanin: 220–250.
- Butler J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, New York: Routledge.
- Cixous H. (1986) Sorties: Out and Out: attacks| ways|out|forays. Cixous H., Clement C. (eds.) *The Newly Born Woman*, Minneapolis: University of Minnesota Press: 200–211.
- Derrida J. (2000) *O grammatologii* [Grammatology], Trans. from French N. S. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.

Valeriya M. Markina – PhD student, Faculty of Social Sciences, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Email: leramarkina@yandex.ru

- Dorogavtseva I. S. (2008) Universal'nye zakonomernosti reprezentatsii Drugogo v literaturnykh i neliteraturnykh tekstakh [Universal Patterns of Representation of the Other in Literary and Non-Literary Texts]. *Gumanitarnyy vector* [Humanities Vector], (3): 31–36.
- Evstropov M. N. (2012) *Opyty priblizheniya k inomu: Batay, Levinas, Blansho* [Experiments in Approaches to the Other : Bataille, Levinas, Blanchot], Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta.
- Foucault M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond the Knowledge, Power and Sexuality. The Works of Different years], Trans. from French. comm. and afterword S. Tabachnikovoy, Moscow: Kastal.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tjur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Moscow: Ad Marginem.
- Iarskaia-Smirnova E. (1999) "What the Future will Bring I do Not Know..." Mothering Children with Disabilities in Russia and the Politics of Exclusion. *Frontiers. Journal for Women Studies*, 2: 58–86.
- Ivan I. Tverdovskij (2014) "Klass korrekcii" – eto vitamin [Ivan I. Tverdovskiy. "Class Correction" as a Vitamin]. Available at: <http://goo.gl/CgzvMJ> (accessed 22 February 2015).
- Jackson D., Hodges C. E. M., Molesworth M., Scullion R. (eds.) (2015) *Reframing Disability?: Media, (Dis)Empowerment, and Voice in the 2012 Paralympics*, London: Routledge.
- Krumer-Nevo M., Sidi M. (2012) Writing Against Othering. *Qualitative Inquiry*, 18(4): 299–309.
- Krylova M. V. (2009) *Strategii alienatsii v angloyazychnom diskurse protestantizma* [Alienation Strategies in the English-Speaking Protestant Discourse]. *Yazyk. Tekst. Diskurs. Nauchnyy al'manakh*. [Language. Text. Discourse. Scientific Almanac], (7): 304–311.
- Levinas E. (2000) Total'nost' i Beskonechnoe [Totality and Infinity]. Levinas E. *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [E. Levinas Favorites. Totality and Infinity], St. Petersburg: Universitetskaja kniga: 66–291.
- Markina V. M. (2013) Politika reprezentatsii ljudej s sindromom Dauna v sovremennoj publichnoj sfere [The Politics of Representing of People with Down Syndrome in the Contemporary Public Sphere]. P. V. Romanov, E. R. Iarskaia-Smirnova (eds.) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys stadi* [The Public Sphere: Theory, Methodology, Case Studies], Moscow: OOO "Variant", CSPGS: 187–206.
- Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (2011) Telo i diskriminatsiya: invalidnost, gender i grazhdanstvo v postsovetskom kino [The Body and Discrimination: Disability, Gender and Citizenship in the Post-Soviet Cinema]. *Neprikosnovenniy zapas* [Untouchable Store], 2(76): 65–80.
- Rubin L. C. (2012) *Mental Illness in Popular Media: Essays on the Representation of Disorders*, London: McFarland.
- Said E. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East], St. Petersburg: Russkiy mir.
- Said E. (1989) Representing the Colonized: Anthropology's Interlocutors. *Critical Inquiry*, (15): 205–225.
- Shapinskaya E. N. (2009) Obraz drugogo v tekstakh kul'tury: politika reprezentatsii (nachalo) [The Image of the Other Texts in Culture: Politics of Representation (Beginning)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], (3): 51–56.

Spivak G. (1988) "Can the subaltern speak?" C. Nelson, L. Grossberg (eds.) *Marxism and the Interpretation of Culture*, Urbana: University of Illinois Press: 271–313.

Spivak G. (1999) *From a Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Ungruhe Ch. (2013) "Natural Born Sportsmen". Processes of Othering and Self-Charismatization of African Professional Footballers in Germany. *African Diaspora. Transnational Journal of Culture, Economy & Society*, 6 (2): 196–217.

Usmanova A. (2001) Gender i kul'tura v paradigme kul'turnykh issledovaniy [Gender and Culture in the Paradigm of Cultural Studies]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya Ch. 1* [Introduction to Gender Studies. Part 1], St. Petersburg: Aleteyya: 427–464.

Yang Ch.-L. (2010) *Othering processes in feminist teaching – A case study of an adult educational institution*, Lund: Media-Tryck, Lund University.